

Лучшие
Дорамы

우
리들의
행
복한
시
간

Кон Жиён

Наше
счастлиное
время

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
К64

우리들의 행복한 시간
OUR HAPPY TIME
JI-YOUNG GONG

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
KL Management, Barbara J Zitwer Agency
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Корейского института литературного перевода.

Кон Джиён

К64 Наше счастливое время / Кон Джиён ; перевод с корейского С.В. Кузиной. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 288 с. — (Лучшие дорамы).

ISBN 978-5-17-119687-5

Роман «Наше счастливое время» известной корейской писательницы Кон Джиён — трагическая история о жестокости и предательстве, любви и ненависти, покаянии и прощении. Это история одной семьи, будни которой складывались из криков и воплей, побоев и проклятий, — весь этот хаос не мог не привести их к краху.

Мун Юджон, несмотря на свое происхождение, не знаящая лишней красивая женщина, скрывает в своем прошлом события, навредившие ее психике. После нескольких неудачных попыток самоубийства, благодаря своей тете, монахине Монике, она знакомится с приговоренным к смерти убийцей Чон Юнсу. Почувствовав душевную близость и открыв свои секреты, через сострадание друг к другу они учатся жить в мире с собой и обществом. Их жизни могут вот-вот прерваться, и каждая секунда, проведенная вместе, становится во сто крат ценнее. Ведь никогда не поздно раскаяться, никогда не поздно понять, не поздно простить и... полюбить.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-119687-5

Copyright © 2005, 2010, 2016
by Ji-Young Gong
All rights reserved.

© Кузина С.В., перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

На встречах с читателями, как правило, звучит вопрос: «К какому из ваших произведений вы испытываете особую привязанность?» Я всегда вспоминаю, как мой младший ребенок начинает допытывать, кто из них — моих детей — самый красивый, и озадачивает меня таким вопросом. Ведь каждый из написанных романов относится к какому-то особому периоду моей жизни, который больше не повторится, и каждая книга несет в себе единственные в своем роде переживания, воспоминания и достижения.

Но если все-таки придется его назвать, я не смогу не упомянуть роман «Наше счастливое время». Это была пора, когда я ужасно боялась, что после семилетнего перерыва больше не смогу взяться за перо. А еще в глубине души жил страх, который я испытывала по отношению к людям и к жизни. Да-да, этой непостижимой штуке под названием «жизнь», которая наигралась со мной, словно с игрушкой, и швырнула со всего маху о землю за ненадобностью... Однако в мире, с которым я тогда столкнулась, жили люди в тысячу, в десятки тысяч раз несчастнее меня. «Бесчеловечные чудовища», которые по призыву «Убейте их!» вопящей в унисон толпы мгновенно могли оказаться в петле.

При первых встречах с ними единственное, что я могла делать, — это рыдать. Не знаю. Но и затем, оказываясь на

свиданиях с ними, я все равно иногда плакала. Будто малый ребенок, моя душа заходила криками: «За что эти страдания?»; «Откуда это зло?»; «Почему мир такой?»; «Человек из-за чего?»; «Почему?!».

Сколько же я пролила слез?! Уже гораздо позднее смертницы признались мне, что даже держали пари, сколько я буду плакать. И вот, пока я четыре-пять лет заливалась слезами, моя жизнь изменилась. В какой-то момент я обнаружила, что стала активистом движения за отмену смертной казни; успех романа и его экранизация немного помогли избавиться от груза, когда-то сломившего меня; а еще мы настолько сблизились со смертницами, что могли делиться самым сокровенным. Однако самая разительная перемена произошла во мне. Благодаря встречам, когда мы вместе плакали, смеялись и делили хлеб, у меня зародилась твердая вера в человеческую доброту. В то, что в каждом изначально заложено добро. И оно проявляется не внезапно, а только благодаря долгим и упорным усилиям.

В кои-то веки я смогла примириться с собой и Создателем, которого все это время обвиняла в несправедливости, и впервые у меня появилась надежда. Не ленивый оптимизм по поводу будущего и человечества, а именно то, что приходит после принятия страшного наказания и смирения с ним, необходимостью терпения.

Так уж случилось, что корректуру первого я получила в Страстной четверг. И сегодня, когда я пишу эти строки, как ни удивительно, тоже Страстной четверг, в который был схвачен Иисус, знавший о предстоящей смерти. Вчера я получила письмо от одной смертницы — это, верно, тоже совпадение. На последнем свидании я опять не сдержала слез, и она в ту же ночь написала мне. «Не знаю, имею ли право полагать, что эти слезы только из-за меня. Но, узнав о случившемся со мной, Вы столько выплакали за время наших встреч, что, возвращаясь в камеру, я чувствую себя

Наше счастливое время

должником перед Вами... Я выплеснула все накопившееся и вернулась в камеру. А сейчас, в этот поздний час, я мурлычу себе под нос, словно опьяненная благодатью, которой Вы одарили меня днем. Благодарю Вас, сестра Мария!»

*Он счастливый человек, раз у него есть друг, плачущий
вместе с ним.*

*Я счастливый человек,
раз у меня осталось желание плакать за него.*

Время нашего счастья...

*Я предлагаю читателям
пережить это время вместе.*

Ночь Страстного четверга 2010 года

Кон Жиён

*Отче! Прости им,
ибо не знают, что делают!*

***Приговоренный к смертной казни
тридцатитрехлетний Иисус***

Синий Блокнот

01

Итак, начну свой рассказ. Рассказ об убийстве. А еще об истории одной семьи, будни которой складывались из криков и воплей, побоев и проклятий, — весь этот хаос не мог не привести к краху. Также это рассказ про меня — жалкого человека, который ни в коем разе не считал себя таковым. В тот день погибли две женщины и одна девушка. Я свято верил, что жизнь одной из них не стоит ломаного гроша, а значит, она достойна смерти. Мне казалось, богатство для нее — то же самое, что жалкий червь, укутанный в шелка. Я думал, в нашем жестоком мире, где не существует справедливости, будет очень даже правильно потратить ее деньги на доброе дело.

Другая женщина ничего за душой не имела, ничего не могла назвать своим. И вот она, у которой всю жизнь отнимали последнее, — умирала. Если бы нашлось три миллиона вон, ее можно было спасти. Однако тогда у меня не было возможности достать столь крупную сумму, и каждый день приближал ее к смерти. И хотя я не знал, существует ли на самом деле Бог, и не помнил, когда в последний раз смотрел на небо, но все же искренне надеялся, что там, на Небесах, меня поймут, и свято верил, что творю справедливость. Ту самую справедливость...

Глава I

К вечеру снежная морось сменилась дождем. Сизоватая дымка окутала улицы, потяжелевший от влаги горизонт размывал границу между небом и землей. Стрелки часов перевалили за пять. Я накинула пальто и вышла из дома. Машины на стоянке, словно могилы-истуканы, хранили безмолвие, а через дорогу в окнах стали загораться желтые огни, напоминая недосыгаемые звезды. Оголенные деревья — они уже давно сбросили последние листья — отделяли многоэтажки недорогого квартала от небоскребов с противоположной стороны, будто заграждение из колючей проволоки. Вместо того чтобы сесть в машину, я застыла, отрешенно глядя наверх. Громады домов неуклюже закрывали белесо-серое небо; в тусклом полумраке высотки напоминали правильный прямоугольник крепости без единого намека на повреждение. Зимняя изморось капала на холодную улицу.

Я забралась в машину. Дождик в свете фар мерещился мелкой ледяной стружкой от пинсу¹. В этот сумрачный вечер казалось, что дождевые капли падают лишь в лучах яркого света, струившегося от фонарей и переливчатых огней

¹ Излюбленное традиционное летнее лакомство корейцев из измельченного льда с красной сладкой фасолью и фруктами (аналог мороженого).

витрин. Ведь в темноте ничего не видно, и мы совершенно не представляем, что именно на нас капает.

Доктор Ро сообщил по телефону, что тетю Монику вновь госпитализировали в тяжелом состоянии, и на этот раз ситуация практически безнадежная, так что следует приготовиться к худшему. Похоже, мне предстоит расстаться с еще одним человеком. Я завела двигатель, и перед моими глазами вновь всплыло лицо. На фоне очков в черной роговой оправе еще более бледная, будто выцветшая кожа, алые губы, присущие молодости, и маленькая ямочка, которая появлялась лишь на одной щеке, когда он застенчиво улыбался... Если честно, я не хотела о нем вспоминать. Я провела множество бессонных ночей, пытаюсь его забыть. И дней, когда только крепкая выпивка помогала мне отключиться... Были и сизые рассветы, когда я просыпалась от жутких видений и ощущения, что мое горло сжимается от удушья. Я зарывалась лицом в подушку и ждала слез, но время шло, а у меня вырывались лишь нечленораздельные стоны. А когда я подначивала себя: «Ну что же, пусть... я буду помнить... давай, вспомни, вспомни все, до мельчайших подробностей!» — я пьянела и замертво валилась на диван.

Каждое утро после его смерти моя первая мысль при пробуждении была о том, что мир никогда не станет прежним. Всё снова превратилось в хаос и казалось запутанным, как и до той судьбоносной встречи. Тем не менее после нашего знакомства я поняла, что больше никогда не решусь покинуть этот свет по доброй воле. Для меня это знание стало его прощальным подарком и одновременно наказанием.

В мире много вещей, которые в темноте мы не замечаем, так же, как морось, отчетливо видневшуюся в свете фар. И то, что мы не видим их, не значит, что они не существуют. Благодаря ему я смогла разогнать мрак в своем сердце, и это помогло разобраться, что за темная сущность

Конец Джиён

дышала во мне смертью. Без него я так и не обратила бы внимания на очень многое и жила бы в уверенности, что всюду всепоглощающая тьма, хотя на самом деле это был свет! А в реальности этот свет был таким ярким, что он просто слепил меня. Благодаря Юнсу я осознала: когда мы любим по-настоящему, всем сердцем, то становимся причастны к Божьей Славе. И пускай его больше нет рядом, я благодарна Создателю за это знакомство.

Машина неслась под дождем по темной улице. Дорога была забита хлынувшими со всех сторон автомобилями. Можно было не торопиться. Все куда-то едут, куда-то спешат; ведь неважно куда, но нам обязательно нужно двигаться. Я подумала: знают ли они, куда так спешат? В *тот* год машин почти не было, и даже неоновые вывески будто затаили дыхание. Внезапно в белесоватой от дождя дымке, в смещении облаков и тумана, над мчащимися автомобилями заалело солнце светофора. Все мгновенно затормозили. Я тоже остановилась.

Синий блокнот

02

Ты спросила про мои родные места. А были ли они?

— Если предположить, что родиной называют место, где ты родился, то это Янпхён в провинции Кёнги, — ответил я и ждал следующего вопроса. Однако ты промолчала. — Это был бедный посёлок, — добавил я. — За перевалом — водохранилище, в нашем доме всегда было холодно... — Больше ничего ответить не мог.

— Все нормально. Если не хочешь, можешь не говорить... — произнесла ты.

Не то чтобы я не хотел, просто не мог. Когда я предавался воспоминаниям, рот, казалось, забивался черным сгустком крови. С моим младшим братом Ынсу мы часто грелись на солнышке у водохранилища. Как-то раз соседка отхлестала брата за то, что он пронес мимо рта несколько рисинок, когда его угостили ужином. В отместку я, вооружившись жердью от чиге¹ и уловив момент, когда взрослые были на работе, побил соседских детей так, что у них кровь носом пошла. С тех пор мы всегда были одни. Иногда от сердобольных

¹ Чиге — корейские традиционные деревянные заплечные носилки для переноски груза.